

ЕЛЕНА АСАТУРОВА

ПРИЗРАКИ ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А90

Оформление серии *Д. Васильченко*

Редактор серии *П. Корицкая*

Асатулова, Елена Владиславовна.

А90 Призраки затонувшего города : роман / Елена Асатулова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-209030-1

Из родового гнезда известного врача Олега Круглова украдена семейная реликвия — портрет некой дальней родственницы. Картина на первый взгляд не представляет особой ценности, но связана с интересными легендами и дорога как память.

К поискам присоединяется опытный следователь Игорь Савельев, еще не зная, к каким неожиданным встречам и событиям это приведет. А в деле оказывается замешана Кира Демина — талантливая художница, девушка с пытливым умом и та, что навсегда разбила Савельеву сердце.

Тайны прошлого, сильные чувства и невероятные судьбы — Игорю и Кире предстоит распутать сложный клубок, в котором сплелись и их собственные жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209030-1

© Асатулова Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

От автора

Сны о Мологе

*А радость обернется панихидой,
В мороз трескучий здесь не станет лед...
Сквозь сны мои нездешней Атлантидой
Молога затонувшая плывет.*

*Жила трудолюбива, богомольна,
Не ведая, что пробил час ее.
Вода сойдет — на шпильях колокольни
Крикливое гнездится воронье.*

*Истории спираль не бесконечна,
Сжимается под тяжестью веков.
Прикованная к прошлому навечно,
Плетется Русь тропою бурлаков.*

*Кто в битве пал, уже не станет старым.
Что кануло — вернется ли когда?
Калязины, Мологи, Шагонары —
Ушедшие под воду города —*

*Предвестники судьбы, для всех единой.
А истины понятны и просты...
Сквозь толщину вод на нас глядят руины
И золотые светятся кресты...*

В 1935 году в СССР при реализации плана ГОЭРЛО и строительстве крупных водохранилищ, таких как Куйбышевское, Рыбинское, Волгоградское, Цим-

лянское, Камское, Саратовское, произошло самое масштабное затопление городов и деревень. Некоторые были затоплены полностью, некоторые частично, а иные отстроены заново.

Прототипом для романа был выбран город Молога, который находится сейчас на дне Рыбинского водохранилища. Первые сообщения о Мологе относятся к XII веку, она — ровесница Москвы. Нареченный «Русской Атлантидой», процветающий уездный город, в котором проживало пять тысяч человек, насчитывалось 900 домов, три библиотеки, девять учебных заведений, несколько заводов, работали почта, телеграф, банк, больница, аптека и кинематограф, подвергся полному уничтожению. Каменные дома и соборы взрывали, расчищая место под водохранилище. Есть версия, что вместе с городом утонуло 294 местных жителя, отказавшихся оставлять свои дома. Вместе с Мологой под воду ушло еще 600 сел и деревень.

В период с 1941 по 1946 год водами Рыбинского водохранилища был затоплен и Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, история которого также была использована при написании этой книги.

Некоторые названия и имена были изменены, так как большая часть романа является художественным вымыслом.

Пролог

Окрестности Рыбнинска

Октябрь 1935 года

В монастырской келье было темно, лишь свет лампы, горящей перед единственной иконой, отбрасывал блики на каменные стены и коленопреклонную фигуру. Игуменья¹ Параскева раз за разом читала молитву, обращая свое бледное, исхудавшее лицо к образу Божьей Матери. Она сама тщательно следила за соблюдением непрерывного — неусыпающего — чтения акафиста Богородице, учрежденного почти сорок лет назад первой настоятельницей монастыря. Тогда юная послушница мечтала, что однажды и ей выпадет счастье войти в эту особую келью. Денно и ночью сестры, сменяя друг друга, молились перед чудотворной иконой, которая покидала свое место лишь раз в году, в сентябре, когда отмечалось Рождество Богородицы и Приснодевы Марии. В течение шести дней она выставлялась в главном храме монастыря, чему предшествовал крестный ход, возглавляемый игуменьей. Но сейчас насельницы с трудом бы узна-

¹ Игуменья — монахиня, возглавляющая женский монастырь. (Здесь и далее прим. авт.)

ли свою строгую матушку Параскеву в этой встревоженной и даже растерянной женщине, шепчущей пересохшими губами слова молитвы. Всегда холодные, цепкие серые глаза блестели от подступивших слез, которые она быстро промокнула краем апостольника¹, услышав тихий стук в дверь кельи.

— Входи, сестра Феоктиста, — игуменья чуть повысила голос, проворно поднимаясь с колен, и встретила вошедшую монахиню в своем привычном облике — с прямой спиной, приподнятым подбородком и сомкнутыми в тонкую ниточку губами.

— Матушка Параскева, вы велели мне зайти ровно в девять, чтобы продолжить чтение... — начала было монахиня, но игуменья прервала ее объяснения:

— Я ждала тебя, сестра Феоктиста. Прикрой дверь в келью и присядь. — Она указала на деревянную лавку, стоящую вдоль стены, и сама опустилась на нее, сдерживая тяжелый вздох, готовый вырваться из груди. Перебирая четки, сплетенные из черной шерсти, игуменья собиралась с мыслями, чтобы начать непростой разговор.

Сестра Феоктиста, уже три года исполнявшая в монастыре обязанности благочинной², была для всех примером дисциплины, нравственности и неукосни-

¹ Апостольник — предмет одежды православной монахини, представляет собой головной платок с вырезом для лица, ниспадающий на плечи и покрывающий равномерно грудь и спину. По длине может достигать живота.

² Благочинная — должностное лицо, которое осуществляет надзор за сохранением внешнего порядка и нравственным поведением сестер монастыря и отчитывается настоятельнице.

ПРИЗРАКИ ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА

тельного соблюдения установленных правил. И в то же время ей удавалось обеспечивать порядок и добиваться послушания насельниц без жестких нравоучений, а добрым и мудрым сестринским словом. Игуменья могла припомнить всего несколько случаев, когда благочинная докладывала ей об отступлении от правил иноческой жизни кем-то из монахинь или трудниц¹. И, по обыкновению, этого больше не повторялось. Привратник, сторож, дворник и звонарь, находившиеся в подчинении сестры Феоктисты, также беспрекословно выполняли все ее поручения.

В полумраке кельи облик благочинной лишь угадывался, но Параскева без труда представляла себе одухотворенное, исполненное благородства лицо довольно молодой, недавно перешагнувшей тридцатилетний рубеж женщины. Простые монашеские одежды не могли скрыть неутраченную природную красоту — высокий чистый лоб, изогнутые брови, выразительные голубые глаза, полные чувственные губы. Феоктиста, зная о своей привлекательности, старалась заглушить ее — низко надвигала апостольник, тщательно спрятав под него густые волосы необычного медного оттенка, стройная фигура терялась в широкой мантии. Со всеми она была равна в общении, но умела убеждать и управлять. Именно эта сдержанность и умение не показывать эмоции, а также истовая вера определили выбор игуменьи. Тайну она могла доверить только сестре Феоктисте.

¹ Трудница — женщина, живущая в монастыре, не принявшая монашеский постриг и выполняющая различные работы за кров и пищу.

— Было мне некоторое время назад видение, — начала рассказ настоятельница. — А если точнее — откровение Божие, пророческое. Будто иду я к нашей обители по лугам цветущим, по полям колосющимся и уже вижу вдалеке соборную колокольню, слышу благовест. И такая вокруг благодать, а на душе моей неспокойно, будто кто-то торопит меня, подгоняет. Но чем быстрее я иду, тем дальше стены монастырские, тем глуше перезвон колоколов. И вдруг вижу, что под ногами у меня вместо земли — вода, и вокруг — вода, много воды, и захожу я в эти воды все глубже и глубже. И вот уже иду по дну морскому, волны сомкнулись над головой, а впереди — наша обитель, и собор, и все постройки монастырские скрыты под толщей вод. А из ворот выходит старец, в руках у него вот эта самая икона, — игуменья подняла глаза к образу Богоматери на стене кельи, — и несет он ее ко мне, и вручает со словами: «Бойся потопа рукотворного, сбереги святыню, ибо откроет она путь к возрождению веры православной, к прославлению Божией Матери». Приняла я у старца икону, а он тут же и исчез...

Параскева ненадолго замолчала, давая сестре Феоктисте осознать услышанное. Потом придвинулась ближе и понизила голос, почти зашептала:

— А вчера получила я известие, что скоро начнется в наших местах большое строительство, будут реки перекрывать и сооружать водохранилище. Уже под Рыбинском лагерь организовали, свозят туда заключенных, которые будут на этой стройке работать. Людей, говорят, переселят, даже вместе с домами. А вот церквям и монастырям, чувствую, грозит разорение. — Игуменья перекрестилась. — Никто возиться с нами не бу-

ПРИЗРАКИ ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА

дет. Снесут или просто затопят. Мы и так последние годы живем только милостью Божией да тем, что трудимся побольше любой артели. Вот нас и терпят.

Благочинная, побледнев, тоже перекрестилась и воскликнула:

— Как же так, матушка! Что же с нами будет?

— Ох, не знаю, сестра, боюсь даже представить. Послушниц, конечно, примут другие монастыри, да только их, действующих, мало осталось. Буду хлопотать, чтобы не оказались на улице, пока силы есть. Помоги, Господи! Но я тебя не за этими рассуждениями позвала.

— Приказывайте, матушка, все исполню, — тут же отозвалась Феоктиста.

— Только тебе могу я довериться, только ты способна выполнить эту особую миссию. — С этими словами игуменья встала, следом за ней вскочила с лавки и монахиня. — Мы должны любыми путями сохранить чудодейственную реликвию нашего монастыря. Ты возьмешь ее и спрячешь там, где никто не сможет найти. Молчи, не перебивай! Ты родом из этих мест, многих знаешь еще с мирской жизни, сообразишь, где и как будет надежнее сохранить икону.

Сестра Феоктиста сосредоточенно обдумывала услышанное, не сводя глаз с образа Богоматери, как бы ища у нее подсказки. Самые безумные идеи теснились у нее в голове.

— Но, матушка Параскева, ведь иконы сразу же хватятся, вы же не можете просто так отменить неусыпающее чтение.

— Об этом я позаботилась. — Игуменья подошла к небольшому сундуку, стоящему в углу кельи. В нем

хранились требники, четки, масло для лампадок. Откинув тяжелую крышку, осторожно достала что-то, завернутое в аналав¹. — Когда монастырь обрел эту икону, матушка Таисия, его первая настоятельница, велела сделать с нее несколько списков. Их передавали в дар другим обителям или особо праведным благотворителям, жертвовавшим на строительство храмов. Мастера в нашей иконописной мастерской были талантливые, списки почти невозможно отличить от прообраза. Вот этот, — она развернула черную ткань, расшитую крестами и херувимами, — остался последним.

Феокиста переводила взгляд с одной иконы на другую и видела потрясающее сходство. Наверное, только опытный живописец смог бы отличить копию от оригинала.

Тем временем игуменья сняла со стены чудотворный образ, а на его место водрузила икону из сундука.

— Никто, кроме нас с тобой, никогда не узнает о том, что сейчас произошло. Ты вынесешь святыню из монастыря и укроешь ее в надежном месте. Когда пройдут лихие времена, Господь укажет, что нужно делать. Обещай мне перед ликом Божией Матери, что выполнишь эту священную миссию и сохранишь нашу тайну.

Монахиня с благоговением приняла из рук игуменьи икону и, приложившись к ней, дала требуемый обет. Аккуратно завернув ее в аналав, Феокиста спрятала сверток в складках своей широкой мантии.

¹ Аналав — часть монашеского облачения в форме надеваемого через голову передника с наплечниками.

ПРИЗРАКИ ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА

— Теперь ступай к себе, а просфорница Антония сменит меня через полчаса. Все должно идти как обычно. Завтра скажись захворавшей, проведи весь день в своей келье, я велю, чтобы тебя не беспокоили. Во время вечерней службы ты сможешь незаметно выйти из обители.

— Вы не хотите узнать, что я собираюсь предпринять? — спросила монахиня, уже собираясь уходить.

— Нет, я всецело доверяю тебе. Придет время, ты сама поймешь, когда и как икона должна вернуться к людям. — Игуменья легким движением руки перекрестила Феоктисту, благословляя, и, закрыв за ней дверь, вновь начала молиться...

Вечер следующего дня выдался прохладным и безлунным. Осень, обычно щедрая на погожие деньки, была в этом году дождливой и неприветливой. Небо плотно закрыло тучами, от реки тянуло сыростью. Монастырский двор опустел довольно рано, лишь из собора доносилось тихое пение вечерних псалмов. Феоктиста, неслышно ступая, выскользнула из кельи и направилась к хозяйственному входу. Она прекрасно ориентировалась даже в темноте. Сторож Михалыч в это время уже должен закончить первый обход и проверить центральные ворота, после чего он обычно шел в свою каморку выпить чаю с баранками и тайно выкурить самокрутку. Благодичная, что уж скрывать, прощала ему этот грех. Феоктиста, никем не замеченная, добралась до нужной двери, отперла ее ключом со своей связки и оказалась за стенами монастыря. Перекрестившись и поправив на плече суму для сбора милостыни, в которую был спрятан сверток,

она быстрым шагом двинулась в сторону города. Путь ей предстоял неблизкий, но задуманное того стоило. Шагая по пустынной дороге, Феоктиста молилась об одном — чтобы человек, на помощь которого она рассчитывала, оказался дома в столь поздний час. В том, что он поможет ей, сомнений не было. В какой-то момент ветер, трепавший полы ее черной мантии, разогнал облака, и луна, стряхнув с себя их пелену, осветила все вокруг — уснувшие деревни, шелестящий еще не опавшей листвой лес, опустевшие после уборки урожая поля и, конечно, реку. Пока еще не представляющая опасности, река словно покрылась серебристой чешуей и неспешно утекала вдаль. Где-то завывала собака, ей ответил резким криком разбуженный петух. Кто-то заворочался, зашуршал в прибрежных камышах. И снова тишина, только ветер шумит. Все вокруг, казалось, пронизано ожиданием чего-то неизвестного, таинственного и оттого тревожного. Одинокая темная фигура удалялась от монастыря, унося с собой вверенную ей тайну...

Из дневника следователя Савельева

*Рыбнинск
20 июля 2018 года*

В кабинете, несмотря на настужь распахнутые окна, было душно, а из коридора тянуло запахом краски. В старинном, но крепком здании, где разместился Следственный комитет, всюю шел ремонт — перестилали полы, меняли износившуюся с годами проводку, обновляли стены. Готовые к установке кондиционеры, на которые с вожделением смотрели сотрудники, не успевшие уйти в отпуск и изнемогающие от жары, громоздились в подсобке. Завхоз грозился на следующей неделе вызвать монтажную бригаду. А пока приходилось спасаться выдавшим виды вентилятором и сквозняками.

— Ну что, товарищ майор! — Мой помощник Слава Курочкин захлопнул папку и с удовольствием потянулся. — Будем считать эту рабочую неделю успешно завершенной? Дело по разбою в Калитовке я подготовил, в понедельник передам в прокуратуру. А нас ждет отличная рыбалка и мамыны фирменные пирожки. С капустой и яблоками...

Улыбаясь в предвкушении домашних деликатесов, Славка взлохматил свои и без того непослушные,